

Густая листва скрывала свет, скрывая и выражение его лица.

Солнце палило ярко, и лишь в этом затенённом уголке, в глубокой зелени, растворялся человеческий силуэт.

Тань Юмин приподнял ребёнка на руках, помахал Шэнь Цзунняню и одними губами произнёс:

— Иди сюда.

Шэнь Цзуннянь, казалось, не заметил этого и спокойно ответил тёте:

— Нет.

Тань Юмин нахмурился и уже вслух, чётко и ясно крикнул:

— Шэнь Цзуннянь, иди сюда.

Как раз в этот момент кто-то за карточным столом выиграл, и во дворе поднялся шум. Шэнь Цзуннянь, видимо, снова ничего не услышал. Он не ответил, продолжая стоять и смотреть на него издалека.

Один в тени, другой на солнце. Один в свете, другой во мраке.

Тань Юмину вдруг показалось, что дерево очень далеко. Оно было прямо перед носом, но словно их разделяла непреодолимая пропасть.

Бурлящая зелёная река: он не мог её пересечь, а Шэнь Цзуннянь не мог перебраться к нему.

Цикады трещали наперебой, вызывая тревогу и раздражение. Словно запертые в толстом панцире куколки, скованные, хриплые, звенящие. Чем громче становился этот непрерывный гул, тем труднее было его разобрать и тем невозможнее было от него избавиться.

Не тратя времени на раздумья, Тань Юмин тут же опустил ребёнка на землю, широким шагом подошёл к нему и, схватив за руку, требовательно спросил:

— Ты что, не слышал, как я тебя звал? Почему не подошёл?

Он всегда был таким открытым, честным и непоколебимо уверенным в своей правоте. Тань Юмин сжал руку слишком сильно: на руке Шэнь Цзунняня остались следы от пальцев. Тот промолчал.

Его персиковые глаза сузились, уголки приподнялись, взгляд стал ясным и острым. Когда Шэнь Цзуннянь уже подумал, что Тань Юмин сейчас выйдет из себя, тот вдруг шагнул к нему

вплотную, склонил голову набок и, сменив гнев на милость, с улыбкой произнёс:

— Раз ты не идёшь, тогда я сам подойду.

Шэнь Цзуннянь замер. Его кадык дрогнул. Узкие глаза потемнели, в них забурлили эмоции.

Он не шевелился, а Тань Юмин продолжал стоять к нему вплотную, залитый солнцем, не отпуская его руку.

Тропическое солнце было спокойным и долгим. Секунды тянулись, как сотня лет. Это напоминало безмолвное, медленное, но затяжное перетягивание каната. Никто не мог точно сказать, когда именно началось это противостояние.

Только Шэнь Цзуннянь не подозревал, что противостоит он на самом деле не Тань Юмину, а самому себе.

Это его самого вытолкнуло на границу света и тьмы. Это его безжалостно разрывало на две половины.

Стрекот цикад становился всё громче, он заполнял собой всё пространство, отгораживая их от мирской суеты. Оставленный Тань Юмином ребёнок, кажется, расплакался, но Тань Юмин этого не слышал. Он вдруг протянул руку и придвинулся к Шэнь Цзунняню ещё ближе.

Сердце Шэнь Цзунняня ёкнуло. Он нахмурился и резко схватил его за запястье:

— Что ты делаешь?

— Лепесток, — с искренним недоумением ответил Тань Юмин и раскрыл ладонь.

Хотя на дворе уже стоял почти октябрь, баухиния всё ещё ярко цвела. Её крона напоминала облака на закате. От лёгкого порыва ветра пурпурно-розовый лепесток закружился в воздухе и опустился на плечо Шэнь Цзунняня.

Лепестки и листья с шелестом осыпались, за ними падали и тычинки. словно чья-то тайна, закопанная в землю и навеки сохранённая в секрете.

Беззаботный наблюдатель со смешком вздохнул, сетуя, что такая красота пропадает.

Тань Юмин вырвал свою руку и продолжил смахивать с него лепестки.

Плач ребёнка становился всё громче, но Тань Юмин по-прежнему ничего не замечал. Выражение его лица было сосредоточенным и серьёзным, но руки вели себя беспокойно.

Пальцы и тыльная сторона ладони то и дело случайно задевали шею и мочку уха Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь затаил дыхание и плотно сжал тонкие губы. Он не замечал, как вздулись вены на его шее. Руки рефлекторно сжались в кулаки, но он так и не смог, просто не смог заставить себя оттолкнуть его.

Тань Юмин, ничего не замечая, подцепил последний лепесток, поднёс его к лицу Шэнь Цзунняня и улыбнулся так, что глаза превратились в щёлочки:

— Шэнь Цзуннянь, он так приятно пахнет.

Зрачки Шэнь Цзунняня сузились.

Облака на небе внезапно рассеялись, и солнечный свет наконец-то полностью залил их обоих.

На зелёном газоне пестрели опавшие лепестки. Два лепестка с одной ветки кружились, переплетаясь в падении, и тихо легли рядышком, пока тёплое золотое сияние не окутало их мягко, целиком и полностью.

То, что эти двое стояли под деревом, перешёптывались и распускали руки, ничуть не удивляло взрослых за карточным столом. Когда Тань Юмин был маленьким, в этом самом дворе он частенько ездил на Шэнь Цзунняне верхом, как на собачке.

Стемнело. Ужин прошёл шумно и весело, гости и хозяйева остались довольны. На прощание им вручили множество ответных подарков. Тань Юмин и наелся от пуза, и подарков унёс целую кучу. Даже когда люди на Новый год возвращаются в дом родителей, и то не устраивают такого переполоха.

«Бентли» проехал по улице Дружбы. Высотки стояли близко друг к другу, дорога сужалась. В самом конце она упиралась в морской порт. На берегу стоял двуязычный дорожный указатель на китайском и английском. Даже вечером там толпились туристы, чтобы сделать фото.

Скорость машины снизилась. Тань Юмин, прильнув к окну, указал на кофейню на углу, где варили кофе в глиняных горшочках:

— Шэнь Цзуннянь.

— Булочка со свиной отбивной.

Шэнь Цзуннянь повернулся и посмотрел на человека, который за ужином дважды просил добавки. Он просто потерял дар речи. Тань Юмин с лицом «говори что хочешь» произнёс:

— Раз уж мы здесь.

Шэнь Цзуннянь смотрел вперёд. Повернув руль на пол-оборота, чтобы объехать пешехода, он сказал:

— Тут сложно припарковаться.

— Тогда забудь. — На самом деле он не был так уж голоден. Просто вспомнил, что в последний раз ел её ещё в детстве. Тань Юмин откинулся на спинку сиденья, снова взял телефон Шэнь Цзунняня и принялся доставать участников чата друзей.

Внезапно он заметил, что машина припарковалась на углу улицы:

— М?

Шэнь Цзуннянь долго кружил, прежде чем нашёл это место для парковки. Правда, до кофейни было приличное расстояние. Он отстегнул ремень безопасности и сказал Тань Юмину:

— Сиди в машине.

Тань Юмин отложил телефон, положил руки на край окна, опёрся подбородком на ладони и стал наблюдать, как Шэнь Цзуннянь встаёт в очередь.

Эта кофейня, где кофе варили на углях в глиняных горшочках, работала в Хайши уже несколько десятилетий. Туристов, желающих здесь отметить, было много, поэтому очередь выстроилась длинная. Шэнь Цзуннянь выделялся в толпе, словно журавль среди кур. Он не обращал внимания на попытки окружающих заговорить с ним и не сидел в телефоне. Он просто стоял и терпеливо ждал. Морской бриз приподнимал край его длинного плаща, а тусклый свет портовых фонарей падал на суровый профиль, делая его похожим на пожелтевший ретро-плакат.

Вечерний ветер с залива на мгновение заставил Тань Юмина задуматься. В детстве ему казалось, что Шэнь Цзуннянь похож на какой-то мох или папоротник, выросший в сырой тёмной канаве. Его ветви и листья безжалостно обрезали, почти вырвав с корнем. Но незаметно для всех среди этого мха выросло гигантское дерево. Прямая осанка, широкие плечи — он стал похож на кедр, способный укрыть от бури, но всегда остающийся немного одиноким. Ему не нужно было солнце, только капля воды и воздух. Он тихо и молчаливо стоял под дождём, день за днём, не издавая ни звука.

А Тань Юмин был случайно пролетающей мимо сорокой: с высоко поднятой головой, задранный хвост, он глазел по сторонам. По пути ему встречалось много более зелёных, шумных и полных жизни деревьев, но почему-то он опустил именно на эту ветку.

И благодаря этой сороке кедр смог выжить в тропиках.

На углу слышался шум проводов. Красный двухэтажный трамвайчик проехал по улице Дружбы. Его тёплые жёлтые фары казались передвижным камином в осенней ночи. Вдалеке по

морю сновали остроносые яхты.

Туристы с восторгом забирались в трамвай.

В этом году отмечалось сто двадцатилетие трамвайной системы Хайши. Вагоны на нескольких маршрутах украсили в стиле мультяшной розовой свинки. Каждый день они возили блестящих, холодных молодых людей в районы Чжунхуань и Цзиньчжун.

Прошло много лет с тех пор, как Тань Юмин в первый и последний раз ездил на трамвае. Тогда Шэнь Цзуннянь только-только появился в семье Тань. Тань Юмин увёл его с уроков: они катались на американских горках на закате, втайне пробовали рыбные шарики в карри. Они уже были в шаге от колеса обозрения, когда Гуань Кэчжи «двенадцатью указами императора» велела им немедленно возвращаться.

Избалованного Тань Юмина в тот день впервые заперли в храме предков старого особняка, чтобы он подумал над своим поведением.

— Ты хоть понимаешь, какой сейчас момент? Сколько людей ищут Нянь-цзяя!

— А ты вот так просто таскаешь его по всем улицам, боишься, что его не найдут, да? — на язык Гуань Кэчжи всегда была остра, а уж в гневе даже Тань Чуншань предпочитал стоять в сторонке. — Эй, Тань Юмин, может, тебе лучше взять табличку, написать на ней красной краской: «Шэнь Цзуннянь у меня, скорее хватайте его» и пройтись парадом по улицам?

Тань Чуншань хотел что-то сказать, но промолчал. Маленький Тань Юмин стоял на коленях перед статуей богини Тяньхоу, не огрызался и сидел с опущенной головой и красными глазами.

Шэнь Цзуннянь хотел выйти вперёд и сказать Гуань Кэчжи, что это он сам захотел погулять, но Тань Чуншань удержал его за плечо.

Кажется, именно с того дня Тань Юмин стал ходить за Шэнь Цзуннянем хвостиком, не отходя от него ни на шаг. Он больше не бегал по задворкам и переулкам, перестал участвовать в школьных ярмарках. Он превратился в упрямую коалу из зоопарка: крепко вцепился в дерево и, несмотря на ветер, дождь и смену дня и ночи, решительно отказывался сдвинуться хоть на миллиметр.

Мимо проехали ещё два трамвая.

Шэнь Цзуннянь возвращался с горячим кофе и булочкой. Через улицу он видел, как Тань Юмин перегнулся через край окна и высунул голову в ожидании еды. В этот момент он был похож на какого-то зверька: ленивого, но с горящими глазами.

Шэнь Цзуннянь невольно подумал: если бы он не попал в семью Тань, возможно, у этого парня

юность была бы более свободной, беззаботной и яркой. И он бы не стал спустя столько лет так скучать по уличной еде, которой не успел насладиться в детстве.

Но, к счастью, Тань Юмина ещё ждало будущее, свободное от любых оков.

Таймер светофора тикал, словно песочные часы. Весь остров всегда был окутан этим звуком обратного отсчёта. Он заставлял сердце биться чаще, подгонял шаги, не давая расслабиться ни на секунду.

Тань Юмин жевал свою булочку и запивал кофе от улицы Дружбы до самого проспекта Поли. Шэнь Цзуннянь бросил на него взгляд через зеркало заднего вида и сказал:

— Не можешь доесть — оставь.

— Не пропадать же добру. — Шэнь Цзуннянь выстоял огромную очередь на ветру, чтобы купить всё это, поэтому Тань Юмину не хотелось выбрасывать еду.

Шэнь Цзуннянь промолчал.

Как и ожидалось, не прошло и двух минут, как на светофоре Тань Юмин поднёс остатки булочки к его рту:

— Эм-м... я наелся, доешь, а.

Шэнь Цзуннянь покосился на него.

Тань Юмин пододвинул руку ещё ближе:

— Ешь давай, не выбрасывать же. — Он вёл себя так, будто это он с трудом отстоял за ней в очереди.

Шэнь Цзуннянь отвернулся, не позволив кормить себя с рук. Он сам взял недоеденную булочку и прикончил её в два счёта.

Ноябрь. Приближались выборы в торговой палате Района залива. За одну ночь пальмы и баухинии на центральном проспекте Хайши были аккуратно подстрижены. Со всех высоток и рекламных щитов на главном острове словно по команде исчезли плакаты с гламурными моделями — их заменила агитация за кандидатов и призывы к голосованию.

За сменой руководства торговой палаты непременно последовали бы кадровые перестановки и передел власти в отраслевых ассоциациях во всех сферах.

«Хуаньту» и «Пинхай» долгое время тесно сотрудничали в сферах туризма, недвижимости,

медицины и многих других. Изменения в ассоциациях могли повлиять на экологические проверки, оценку квалификации и объёмы льготной поддержки для множества проектов.

В середине месяца Шэнь Цзуннянь лично возглавил команду, занимающуюся ключевыми проектами второго полугодия, и прибыл в «Пинхай» на совещание.

Представители «Хуаньту», «Пинхая» и «Цзяньсинь» заняли свои места по разным сторонам.

— Проект «Остров Заката» уже прошёл голосование, — осторожно подбирая слова, сказал руководитель. — Но мы не знаем, не решили ли они намеренно отложить его под шумок выборов, чтобы оставить подписание следующему начальнику.

«Остров Заката» — это проект по созданию искусственного острова в акватории, получивший специальное разрешение. Ответственность была огромной. Нетрудно понять чиновника, который перед самым уходом хочет обеспечить себе спокойную жизнь и не желает брать на себя лишние риски.

Шэнь Цзуннянь опустил голову, сравнивая два документа в руках:

— На каком этапе остановилось оформление?

— На стадии второй проверки. — Но на каком конкретно шаге, никто не знал. Боясь, что Шэнь Цзуннянь начнёт задавать вопросы, руководитель предложил: — Может, нам дёрнуть за кое-какие ниточки и через нужных людей узнать, в чём дело?

— Не нужно. — Шэнь Цзуннянь лично вёл проекты подобного масштаба и знал весь процесс наизусть. Оценка, согласование, снова оценка, заседание комиссии, а в самом конце — подпись председателя. Независимо от того, использует чиновник это как отговорку или нет, в первые три этапа всегда вмешивается ассоциация. Сейчас все заняты предвыборной борьбой, им просто не до этого.

Шэнь Цзуннянь сказал:

— Сосредоточьтесь на мосте Норт-Пойнт и новом порту беспошлинной торговли.

Это были проекты, которые Район залива строил совместно с муниципалитетом, лицо города. Как бы они там ни грызлись за власть, все обязаны были обеспечить их бесперебойную работу.

В остальном можно было найти лазейки.

— Здесь не должно быть никаких сбоев. — Особенно в такой момент.

Его слово было законом. Руководители переглянулись и хором ответили:

— Поняли.

Затем представители отделов медицины, недвижимости, градостроительства и туризма по очереди отчитались о ходе работ. Из-за текущей политической ситуации прогресс оставлял желать лучшего. Шэнь Цзуннянь не стал ругать их за задержки, а лишь задал несколько точечных вопросов.

Вопросов было немного, но все они били в самую суть. Подчинённые отвечали под огромным психологическим давлением. Атмосфера в зале стала напряжённой.

По правде говоря, Шэнь Цзуннянь не был сложным руководителем. С внешними партнёрами он вёл себя жёстко и умел брать ответственность на себя. Внутри компании он ценил деловой подход, был готов делегировать полномочия и не лез с советами в те области, где не был специалистом. Если проекту требовалась поддержка, даже самая невероятная, он её обеспечивал.

В периоды тайфунов, наводнений и оползней он лично выезжал на ключевые объекты, чтобы на месте контролировать ситуацию и поддерживать боевой дух команды.

Просто он был слишком немногословен и обладал настолько сильной аурой, что внушал трепет, даже не повышая голоса.

Шэнь Цзуннянь говорил ровным, отнюдь не злым тоном:

— Отделы предпродаж и юристы ждут, пока ассоциация выпустит отраслевые стандарты. Сколько точно продлится это окно? Как вы планируете распределять ресурсы? Есть ли у вас план?

Затем он перешёл к градостроительству и недвижимости:

— Если мы не разведём пиковые нагрузки, пространство для торгов сократится. Когда возникнет разрыв между промежуточными этапами и конечными потребителями, кому отдадим приоритет? Есть резервный план?

Все молчали. Повисла тишина. Когда напряжение достигло пика, Тань Юмин наконец решил сыграть роль «доброго полицейского» и разрядить обстановку:

— Не думали начать с благотворительных проектов?

Топ-менеджеры наконец-то смогли немного поднять головы.